Научная статья
Original article
УДК 821.161.1

МАТЬ КАК СИМВОЛ «ВЕЧНОГО» В РАССКАЗАХ ЦИКЛА «КОНАРМИЯ» И. Э. БАБЕЛЯ

MOTHER AS A SYMBOL OF "ETERNAL" IN THE STORIES OF THE CYCLE "KONARMIA" I. E. BABEL

Адамко Денис Сергеевич, студент 4-го курса, филиал БГУ им. академика И. Г. Петровского в г. Новозыбкове (243040 Россия, г. Новозыбков, ул. Советская, д. 9), тел. 8(48343) 3-51-05, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8802-3949, Ad.Nihil.ru@yandex.ru

Denis S. Adamko, 4th year student, branch of the BSU named after academician I. G. Petrovsky in Novozybkov (9 Soviet st., Novozybkov, 243040 Russia), tel. 8(48343) 3-51-05, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8802-3949, Ad.Nihil.ru@yandex.ru

Аннотация. Настоящая публикация посвящена рассмотрению специфики образа матери как символа «вечного» в рассказах цикла «Конармия» И. Э. Бабеля, который во многих отношениях отражает идейные и художественные установки писателя.

Abstract. This publication is devoted to the consideration of the specifics of the image of the mother as a symbol of the "eternal" in the stories of the cycle "Konarmia" by I. E. Babel, which in many respects reflects the ideological and artistic attitudes of the writer.

Ключевые слова: И. Э. Бабель, революция, Гражданская война, цикл «Конармия», образ матери, символ, гуманизм.

Keywords: I. E. Babel, revolution, Civil War, cycle "Konarmia", mother's image, symbol, humanism.

Введение

Актуальность настоящей работы обусловлена острым интересом ученых к творчеству И. Э. Бабеля, особенно к поставленным в цикле рассказов «Конармия» проблемам войны и гуманизма. Также необходимо отметить практически полное отсутствие научных работ, посвященных исследованию образной символики цикла «Конармия», напрямую связанной с проблематикой, идеей и художественным своеобразием произведения. Художественное своеобразие цикла И. Э. Бабеля изучалось такими видными исследователями, как Г. С. Жарников, О. О. Осовский, М. Н. Липовецкий, А. В. Подобрий, Д. Розенсон, Р. М. Ханинова, Ю. В. Парсамов, Е. И. Погорельская, И. А. Смирин и др.

Цель статьи – проанализировать символику образа матери, обозначить его роль в раскрытии проблематики и идейного содержания цикла рассказов И. Э. Бабеля «Конармия».

В ходе проведения исследования были применены следующие методы: описательный, социологический, мифопоэтический, историко-генетический.

Исаак Бабель затронул в «Конармии» проблемы войны и гуманизма, которые наиболее остро были поставлены перед всеми слоями русского общества во времена Гражданской войны, непосредственным участником которой он стал в качестве военного корреспондента газеты «Красный кавалерист».

Жестокость и насилие над человеческой личностью, подавление военно-политического движения «белых» (поляков), разорение мирного населения, угнетение представителей церкви и религиозных обществ явились закономерным следствием революции и последовавшего за ней военного положения в стране, послужили поводом для создания цикла «Конармия».

В своей книге Бабель старался показать раздирающие русское общество противоречия [3, с. 54; 13, с. 147] морального и политического характера, реакцию народа в эмоциональном плане на происходящие вслед за совершающейся революцией изменения. «Конармия» не столько про героическую

борьбу за светлое будущее, сколько иллюстрация личных переживаний автора, а также состояния целых этнических групп или отдельных людей, которые поделились с ним своими историями из времени революционных потрясений.

Цикл Бабеля во многом автобиографичен, так как отражает личный опыт писателя, наблюдавшего за событиями Гражданской войны. Автор в первую очередь обратил внимание не на эпические сражения, а на изменения в культурном уровне, сознании людей. Главный герой произведения (одновременно являющийся и рассказчиком или даже «сказителем», который нередко пересказывает истории других людей) – еврей Кирилл Васильевич Лютов. Лютов является интеллигентом до мозга костей – человеком образованным, который может трезво оценить социальную обстановку в стране, но он не способен своими «смутными поэтическими мозгами» «переварить борьбу классов» [1, с. 129], и это сказывается на его отношениях с товарищами по оружию – конармейцами.

Бабель использует в своем произведении самые различные литературные приемы и тропы, начиная с гиперболизации и «карнавализации» и заканчивая антитезой. Кроме того, отличительной особенностью авторского цикла является синтез элементов различных жанров: дневниковых записей, исповеди, метапрозы, «орнаментальной» прозы, сказа и других [5, с. 189; 9, с. 49]. Всё это служит одной цели – изображению противоречивости, зародившейся в человеке и разделившей его сознание, ценности, и, как итог, приведшей его в состояние борьбы между гуманистическим и хтоническим (звериным) началом внутри себя, которые заставляют его выбирать между духовными (и социальными) запросами и приоритетом выживания во что бы то ни стало.

В такой обстановке, когда герой вынужден ежедневно испытывать стресс из-за изменившейся в стране социальной и политической обстановки, находиться под постоянной угрозой для собственной жизни, пассивно наблюдать за чужими страданиями, смертью и насилием [4, с. 167], ему приходят на помощь воспоминания о матери. Образ матери представляется в художественном произведении в самых различных ипостасях, в виде символов и метафор [14, с. 83].

Под символами в данном случае мы будем подразумевать различные условные знаки, отражающие специфические авторские представления, мировоззрение, ценности, убеждения и идеалы, призванные быть главными ориентирами в реализации идеи «человеческого счастья».

Основная часть

Образ матери как символ «вечных» («человеческих») ценностей раскрывается в цикле по-разному, в зависимости от ситуации, а также через конкретные или абстрактные образы, с которыми он в той или иной степени связывается. Под «вечными» ценностями мы подразумеваем ценности человеческие в самом широком их понимании – гуманистическом: это и склонность к состраданию, эмпатии; забота о потомстве и семье (дарующем бессмертие идей и ценностей); стремление к покою и уюту (безопасности), упорядоченности, практической целесообразности и др. Также образ матери отражает и более специфические для него ценности, например, жажду свободы и превосходства (власти), желание стать божеством или обожествленным (достичь святости и просвещенности). Кроме того, этот образ очень противоречив, так как может служить идеалу «отречения от греха», оправданием которого служит стремление к спасительной природной (животной) естественности, но также является психологической опорой и мотивирует к неустанному труду ради достижения счастья («окультуривания» человека-зверя).

Наиболее примечателен символический образ матери, который раскрывается в новелле «Рабби» через размышления «законоучителя» Моталэ о сущности материнского «бессмертия»: «Вечная жизнь суждена только матери... Память о матери питает в нас сострадание, как океан... в страстном здании хасидизма вышиблены окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери... хасидизм всё еще стоит на перекрестке ветров истории» [1, с. 79]. Хасидизм как учение евреев о духовном единении с «миром-богом», познании природы и просвещении через экстаз, призван помочь людям достигнуть истинного счастья. Мать и ее душа являются бессмертной частью «мира-бога», и почитание ее одухотворенного образа поможет слиться с ним, ощутить безопасность, безмятежность [6, с. 123]. Образ матери в данном случае связывается с океаном. В материнской утробе

(океане) плод находится на протяжении долгого времени, обволакиваемый ее нежной плотью, защищающей от внешних угроз, прежде чем сформируется в ребенка, готового родиться на свет (выйти на сушу) – в неизведанный и опасный мир. Главные ценности хасидов – доброта (сострадание, эмпатия), радость и семья – помогают им достичь максимально гармоничного существования [7, с. 179]. Но эта цель в условиях революционных преобразований труднореализуема, так как хасиды (представители веры) подвергались гонениям и травле. Хасиды грезят о лучшей жизни, таком же беспечном существовании, как и во времена своего детства, когда всю заботу о них брала на себя мать. Так, мать представляется символом доброты и сострадания, спокойствия и уюта (безопасности), семьи радости.

С другой стороны, мать является отражением человеческого упорства, трудолюбия, но и выполняет функцию «выразителя человеческого страдания». В новелле «Соль» повествуется о женщине, пытавшейся выдать мешок соли за ребенка, тем самым получив безболезненный проезд на поезде «к мужу». Рассказчик Балмашев убеждает казаков, что нужно пустить мать – благородное создание, которое трудится днем и ночью, растит ребенка, который придет им на смену, и товарищи смягчаются – они до сих пор помнят ласку своих родительниц. Но обман раскрывается, и казак пытается устыдить бессовестную женщину: «Оборотись к казакам, женщина, которые тебя возвысили как трудящуюся мать в республике», «Оборотись на жен наших на пшеничной Кубани, которые исходят женской силой без мужей», «Оборотись на Расею, задавленную болью...» [1, с. 126]. Казаки отождествляют себя с матерью, которая борется за свою жизнь и жизнь ребенка, ведет страну к счастливому будущему, в котором дети смогут с полной силой осуществить свои устремления и общественно полезные идеи. Россия (родина, дом) – также иносказательное сопоставление с матерью. Она разрушается внутренними противоречиями, подвергается угрозам извне как целостный организм, пытающийся бороться с болезнью. Единственное лекарство для организма родины – собственная иммунная система – казаки и мирные сельские жители, а также подающее надежды подрастающее поколение – дети. Труд матери изнурительный, ведь необходимо тратить многие годы на

воспитание ребенка, а без мужа и других помощников приходится в одиночку заботиться о хозяйстве и добывать средства к существованию, пропитанию. Казаки не ожидают скорых улучшений в своей жизни, освобождению от забот войны, продолжают терпеть смерти товарищей, переносить раны и болезни, чтобы в один прекрасный день достичь счастливого будущего, и подарить его детям.

В новелле «Сын рабби» через образ матери раскрываются похожие ценности: «я не мог оставить мою мать...», «Мать в революции – эпизод» [1, с. 193, 194]. Сын рабби Моталэ Брацлавский одновременно ассоциативно сопоставляет себя с революцией (ее частью) и матерью. Он – «мать», часть целого (земли и родины), которая способствует утверждению идеалов революции, «рождает» ее. Быть частью революции-матери – тяжелый и даже смертельно опасный труд, в ней каждый отдельный человек – ценность. Как коммуна не может полноценно реализоваться без единого общества, так и мать остро переживает утрату своей части – ее ребенка.

Отдельного упоминания стоит иносказательное изображение матери в новелле «Измена»: «без оружия и без одежи, вытканной матерями нашими, слабосильными старушками с Кубани...», «немилосердные сиделки», «трясут теперь молодыми грудьями и несут нам на блюдах какаву» [1, с. 196]. В данной новелле представлен образ «ложной матери». С одной стороны, в «немилосердных сиделках» прослеживаются черты матерей заключенных в госпитале казаков – доброта, спокойствие, благоразумие, заботливость. Но «немилосердные сиделки» являются искаженными образами матерей казаков, которые препятствуют активной трудовой деятельности во благо революции – их второй матери. Для казаков принять заботу «немилосердных» сиделок – значит предать своих матерей (родительницу и мать по духу – революцию), которые посредством тяжкого труда, своей заботы и отчаянного самопожертвования стараются привести своих детей к счастливому будущему. Отринуть эту заботу и уже совершенные во благо революции жертвы – неблагодарность, бесчестие, которому казаки отчаянно сопротивляются [8, с. 131].

Большое значение для раскрытия символики образа матери имеет противопоставленный ему (в моральном плане) образ отца. Такое противопоставление исходит из религиозного представления об идеальном, гармоничном существовании женского и мужского в единой сущности – андрогине [12, с. 166]. Бог изначально создал человека несовершенным, оторванным «друг от друга», этим и обуславливается существование женского и мужского полов. Чтобы достичь совершенности, обоим полам следует осознать свои различия и прийти к компромиссу – идеалу, увы, недостижимому в реальности. Мужское как более грубое, жестокое, эгоистичное доминирует над женским – кротким, сострадательным, добрым.

В новелле «Письмо» мы можем в полной мере проследить эти противоречия. Мы видим непримиримую вражду в семье Курдюковых, обусловленную разнонаправленными идеологическими взглядами (противостоянием революции и контрреволюции), породившими убийство сына Федора отцом Тимофеем и расправу над последним как акт праведной мести второго сына Семена. Мать не способна предотвратить трагедию – раскол в семье, но ее кротость и добросердечный характер рождают в сыне чувство нежности, смягчают его сердце: «Отец у меня был кобель... Мать подходящая» [1, с. 53]. Отец воплощает все самые худшие черты, которые, к сожалению, в какой-то мере унаследовали его сыновья, что видно при рассмотрении портретных характеристик, данных рассказчиком, который описывает их так: «чудовищно огромные, тупые, широколицые, лупоглазые, застывшие» [1, с. 53]. Сам образ матери в достаточной степени идеализирован и даже мифологизирован, так как отсылает к образу Богоматери с ее характерными признаками: кротостью и чистотой. На фотографии с изображением матери можно заметить голубей – распространенный символ мира. В рамках дома мать могла примирить сыновей и отца, служила опорой их союза, но революция – то решающее обстоятельство, которое привело к разрыву в семье – уже не входила в сферу влияния хранительницы очага.

В новелле «Переход через Збруч» также прослеживается мотив «хулы на Богоматерь»: «Мосты разрушены, и мы переезжаем реку вброд», «Кто-то тонет и звонко порочит богородицу» [1, с. 19]. В данном случае к образу Богоматери

присоединяется образ реки. Переход через реку обозначает путешествие в потусторонний, загробный мир, в котором господствуют хтонические, звериные силы [2, с. 12; 12, с. 167]. Этот переход – снисхождение в Ад, в котором порочные люди будут вынуждены искупать свои грехи. Грешники, не признающие власть бога и высшего нравственного закона, безуспешно пытаются оправдаться перед смертью (погружением в бездну), выставляя Богородицу в качестве прародительницы греха – главной виновницей его существования. Разрушенные мосты символизируют духовную гибель людей, отправляющихся на войну, они утрачивают гуманистические ценности, которые могли бы помочь возрождению после преодоления всех ее испытаний.

Необходимо обратить внимание на функции ненормативной лексики, которая используется в цикле. Обсценная лексика в русском языке проявилась во времена господства языческой веры и «культа земли» [12, с. 166–167]. С приходом христианства, которое призывает людей к очищению от низменных (животных, земных) пороков, эта лексика приобрела негативную окраску, обострилось осознание различий между мужчинами и женщинами. Одновременно с этим христианство рассматривало женщину как первого человека, совершившего грех и, соответственно, более склонного к порокам (миф об Адаме и Еве). Так, например, в новелле «Письмо» мы читаем следующую фразу: «зачал нахально ругать Сеньку по матушке и в богородицу и бить Сеньку по морде» [1, с. 52]. Здесь отец – носитель звериного начала – использует матерную лексику для того, чтобы утвердить порочность породившей его сына матери, утвердить свою власть, ведь он считает себя носителем доминирующих ценностей, показывает ошибочность действий и идеалов, направленных против него. Он хулит образ не только матери, но и Богородицы, с которой прослеживается прямая связь – происходит низвержение общечеловеческих ценностей в пользу хтоническим, эгоистичным идеалам.

В новелле «Вечер» рассказчик чувствует духовный упадок из-за нескончаемых войн и казарменного быта, ранений, осознания собственного бессилия. Рассказчик остро ощущает, что в этой недоброжелательной обстановке сложно сохранять силу духа, но природа поддерживает его: «Ночь утешала нас в

наших печалях, легкий ветер обвевал нас, как юбка матери, и травы внизу блестели свежестью и влагой» [1, с. 130]. Здесь нам важны образы ветра и травы. Ветер символизирует волю к жизни, власть над ней (раздувает пламя из небольшого уголька, искры). Ветер является и символом свободы, показывающим, что человек сам выбирает, по какому из множеств путей пойти, имеет полную власть над своей жизнью. Трава символизирует победу и власть, такое значение восходит к римской традиции одаривать победителя травяным венком. Мать при соотнесении с символами травы и ветра олицетворяет собой власть над миром. В мире (матери) ребенок развивается, успокаиваясь под пронзительными порывами ветра, которые очищают душу от тревог, обволакивают его подобно материнской заботе.

В раскрытии богатого художественного мира и проблематики произведения автору помогают также имена собственные, или поэтонимы, которые в цикле определенным образом «обыгрываются». С одной стороны, они создают культурный и исторический контекст произведения, выступая в качестве единиц, «за которыми стоит свернутый компрессированный текст, представляющий собой программу дальнейшего возможного развертывания... в тексте» [10, с. 40]. Последовательное включение и описание автором таких топопоэтонимов, как Збруч, Новоград, Крапивно, Волынь, Броды, Козина, Чесники, Замостье (символы разрушения, голода и смерти) и др. помогает читателю не только проследить частичный ход Гражданской войны с передвижением революционных сил (что соответствует «документальности» произведения), но и оценить уровень культурного и общественного упадка в тех местах, которые не могли оставить автора равнодушным. Кроме того, имена собственные в цикле обладают собственной семантикой, раскрывающейся через контекст, метафоры и ассоциации, происходит их семантизация [11, с. 8]. Так, персонаж Сашка (с говорящим прозвищем Христос) является символом сострадания, человеческой доброты (обладает схожими с материнским архетипом характеристиками), а Тараканыч (имя, образованное от слова «тараканить», приобретает в тексте явно выраженный сексуальный подтекст) – символ распутства, нравственного разложения в отношении семейных устоев. Стоит также отметить значимость

представленного в одной из новелл образа коня, обозначаемого зоопоэтонимом Аргамак. Это символа господства, свободы, чести и мужества (у казаков). Персонаж рабби Моталэ олицетворяет собой ценности еврейского духовного учения (хасидизма). Таким образом, поэтонимы отражают авторские представления о мире и определенную идеологию. «Обыгрываемые» с различных сторон, они служат для раскрытия не только исторического и культурного контекста, но и (в первую очередь) человеческой индивидуальности.

Заключение

Итак, образ матери в цикле «Конармия» представлен в виде символа, который отражает идеалы автора, во многом схожих с представлениями хасидов о главной цели существования, через который раскрывается идея «человеческого счастья». Автор (рассказчик) ассоциирует себя с ребенком (и, частично, с животным), не несущим ни за что ответ и стремящегося пребывать в вечном покое и радости, заботы о котором целиком лежат на могучих родительских (материнских) плечах, обеспечивающих ему защиту и гарантию счастливого будущего. В образе матери воплощаются основные гуманистические ценности, которые приобретают вневременное и наднациональное (надэтническое) значение: доброта, сострадание, безопасность, кротость, трудолюбие, радость, семья, преданность. Материнский образ, представляющий гуманистические ценности, противопоставляется хтоническим образам отца и сына, воплощающих в себе жестокость, эгоистичность, стремление к нераздельному господству и власти (что проявляется также в использовании «матерщины») – выносится на обсуждение и критикуется возможность достижения формы гармоничного существования полов (андрогина). Символика образа матери связана с символами, отражающими основные гуманистические ценности, которые раскрываются посредством природных (трава, море, огонь), животных (голуби) и абстрактных (революция, родина) образов. Образ матери в цикле достаточно мифологизирован, так как связывается с образом Богоматери, воплощающей в себе основные ценности и признаки женского архетипа (кротость, доброта). Кроме того, имеются отсылки к отдельным абстрактным образам библейских текстов (в эпизоде «Переход через Збруч»), раскрывающихся через метафоры

(представление о грехопадении и снисхождение в Ад). Использование символики образа матери для изображения устойчивого желания автора к уходу от жестокой и противоречивой (небезопасной, непонятной) действительности связано с художественными особенностями произведения. Так, используемые в произведении элементы орнаментальной прозы и метапрозы (с их ориентациями на «вненаходимость» автора и «молчание»), «театрализация» и «карнавализация», гротеск и антитеза отражают противоречивое авторское отношение к наблюдаемой революционной действительности. С одной стороны, Лютов стремится стать частью нового общественного устройства (что можно увидеть в беседе рассказчика со старьевщиком Гедали и в новелле «Учение о тачанке») через социализацию в кругу конармейцев. С другой стороны, рассказчик не может отказаться от прежней миролюбивой идеологии, принадлежности и приверженности к ценностям определенной этнической группы (евреев) и духовной практики (хасидизма). Результатом этих внутренних противоречий и попыткой их разрешения и является введение в содержание книги (революционный контекст) образа матери, который оберегает психику участников военных событий, способен вернуть утраченное чувство покоя, счастья, дать обмануть себя надеждой на скорое разрешение всех конфликтов, омрачающих душу, лишающих людей культуры и человечности.

Литература

1. Бабель И. Э. Конармия: Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 2. М.: Время, 2006. 416 с.
2. Жарников Г. С. О святочном аспекте времени в «Конармии» Исаака Бабеля. Грамота. 2017. № 4 (70). Ч. 2. С. 12–15.
3. Липовецкий М. Н. Постмодернизм в русской литературе: агрессия симулякров и саморегуляция хаоса // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2006. № 1. С. 52–56.
4. Липовецкий М. Н. Смерть как семантика стиля (русская метапроза 1920-х – 1930-х годов) // Russian Literature. 2000. № 2. С. 155–194.
5. Осовский О. О. Советская метапроза 1920-х – начала 1930-х гг. и литературная критика русской эмиграции (по материалам журнала

«Современные записки») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 1. С. 186–190.

6. Подобрий А. В. Еврейский мир и маркеры еврейской культуры в «Конармии» И. Бабеля // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 122–129.
7. Подобрий А. В. Культурно-религиозная составляющая концептов «милосердие» и «жестокость» (на примере «Конармии» И. Бабеля) // Мировая литература в контексте культуры. 2010. № 11. С. 178–181.
8. Подобрий А. В. Образ казака и маркеры казацкой культуры в сказовой прозе 20-х годов XX века (на примере новелл И. Бабеля, Вс. Иванова и М. Шолохова) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 28. С. 128–137.
9. Подшивалова Е. А. Жанровая теория Н. Л. Лейдермана для прочтения «Конармии» И. Э. Бабеля // Филологический класс. 2015. № 3 (41). С. 45–51.
10. Пронченко С. М. Интертекстовые ономастические структуры в произведениях О. Э. Мандельштама: Диссертация ... канд. филол. наук / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб., 2007. 235 с.
11. Пронченко С. М. Ономастика художественного текста: Учебно-методическое пособие для вузов. М.: Издательство «Спутник+», 2021. 34 с.
12. Румянцева Л. И. К проблеме материнского архетипа в новеллистическом цикле И. Э. Бабеля «Конармия» // Грамота. Ч. 1. 2013. № 4 (22). С. 166–168.
13. Харитонов В. В. Первоэлементы послереволюционной культуры // Человек в мире культуры. 2017. № 2/3 (21). С. 145–147.
14. Хетени Ж. Идея в образах, абстрактное в визуальном. Фигуры-образы Исаака Бабеля // Russian Literature. 1999. № 1. С. 75–85.

References

1. Babel I. E. Konarmia: Collected works: In 4 volumes. V. 2. Moscow: Time, 2006. 416 p.
2. Zharnikov G. S. About the yuletide aspect of time in "Konarmia" Isaac Babel. Diploma. 2017. № 4 (70). Part 2. Pp. 12–15.

3. Lipovetsky M. N. Postmodernism in Russian literature: the aggression of the simulacra and self-regulation of chaos. Man: image and essence. Humanitarian aspects. 2006. № 1. Pp. 52–56.
4. Lipovetsky M. N. Death as a semantics of style (Russian meta-prose of the 1920s-1930s). Russian Literature. 2000. № 2. Pp. 155–194.
5. Osovsky O. O. Soviet meta-prose of the 1920s – early 1930s and the literary criticism of Russian emigration (based on the materials of the magazine "Modern Notes"). Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University. 2011. № 1. Pp. 186–190.
6. Podobriy A. V. The Jewish World and markers of Jewish culture in I. Babel's "Konarmia". News of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2008. № 71. Pp. 122–129.
7. Podobriy A. V. The cultural and religious component of the concepts of "mercy" and "cruelty" (on the example of "Konarmia" by I. Babel). World literature in the context of culture. 2010. № 11. Pp. 178–181.
8. Podobriy A. V. The image of the Cossack and markers of the Cossack culture in the fairy prose of the 20s of the twentieth century (on the example of the short stories by I. Babel, Vs. Ivanov and M. Sholokhov). Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2008. № 28. Pp. 128–137.
9. Podshivalova E. A. Genre theory of N. L. Leiderman for reading "Konarmia" I. E. Babel's. Philological class. 2015. № 3 (41). Pp. 45–51.
10. Pronchenko S. M. Intertext onomastic structures in the works of O. E. Mandelstam: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences / A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, 2007. 235 p.
11. Pronchenko S. M. Onomastics of a literary text: An educational and methodological guide for universities. Moscow: Sputnik+ Publishing House, 2021. 34 p.
12. Rumyantseva L. I. On the problem of the maternal archetype in the novelistic cycle I. E. Babel "Konarmia". Diploma. 2013. № 4 (22). Part 1. Pp. 166–168.
13. Kharitonov V. V. Primary elements of post-revolutionary culture. Man in the world of culture. 2017. № 2/3 (21). Pp. 145–147.

14. Kheteny J. The idea in images, the abstract in the visual. Figures-images of Isaac Babel. Russian Literature. 1999. № 1. Pp. 75–85.

© Адамко Д.С., 2021 Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №9/2021.

Для цитирования: Адамко Д.С. МАТЬ КАК СИМВОЛ «ВЕЧНОГО» В РАССКАЗАХ ЦИКЛА «КОНАРМИЯ» И. Э. БАБЕЛЯ // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №9/2021.